

КОНСТРУКЦИИ С ОТГЛАГОЛЬНЫМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ КАК ЧАСТЬ ПЕРИФЕРИЙНОГО ПОЛЯ ЗАЛОГОВОСТИ (на материале чешского языка)

1. Отглагольные существительные в современном чешском языке [в статье рассматриваются только существительные на -п(і), -т(і), далее ОС] со словообразовательной точки зрения — результат транспозиции части речи: глагол — имя существительное. Это обусловило двойственный, гибридный характер ОС. Относясь по своим морфологическим признакам к категории имен существительных, выполняя в предложении синтаксические функции подлежащего и дополнения, характерные для этой части речи, они сохраняют семантику действия (состояния, признака) по мотивирующим глаголам (МГ). Это постоянное противоречие находит свое выражение на разных языковых уровнях: лексическом, морфологическом и синтаксическом.

Такие чисто «глагольные» категории, как вид, залог, переходность/непереходность (как отражение интенционной структуры глагола) не подавляются в семантике производного ОС. Напротив, при сохранении присущей глаголу ономаσιологической категории действия, процесса ОС потенциально обладает всеми глагольными значениями.

В качестве семантических компонентов в зависимости от коммуникативных целей говорящего эти значения (аспектуальные, залоговые) или проявляются в определенном контекстном окружении, или же могут быть «обобщены и дремлют в виде скрытых сем, всегда готовых к тому, чтобы быть объективизированными, выведенными на поверхность» [1].

В настоящей статье речь пойдет о способности ОС выражать значение залога некатегориальными средствами, выступать в номинализированных конструкциях в качестве семантических эквивалентов целых высказываний. С этой целью подвергаются анализу ОС, взятые не изолированно, в качестве словарного материала, а в условиях речевого контекста, что позволяет рассмотреть ОС с учетом их функциональной значимости в системе языка, установить условия функционирования ОС как микросистемы в ее отношениях и связях с МГ.

2. Процессуальные ОС, как показал анализ конкретного материала, полностью наследуют интенционную структуру МГ и, как следствие этого, синтаксические связи МГ (см. [2]).

На интенцию глагольного действия как на категорию семантическую, отражающую отношения действия и субстанций, с которыми это действие связано (см. [3]), опирается грамматическая категория залога. Залог грамматическими средствами отражает отношения между элементами интенционной структуры: агенсом, действием и пациенсом. При совпадении агенса действия с субъектом глагольного действия налицо актив, в противном случае — пассив. Иначе говоря, «одно и то же понятийное соотношение „Sub — понятие действия — Ob“ интерпретируется при активе и пассиве с разной перспективой, с разными фокусами — со стороны Sub, осу-

ществующего действие, или со стороны *ob*, которое действие испытывает» [4].

Крупным вкладом в теорию залога явился монументальный труд Б. Гавранека о славянском глагольном залоге [5]. Все последующие исследования чехословацких лингвистов по вопросам залога так или иначе базируются на концепции, разработанной Гавранеком.

Развивая идею одного из основоположников Пражской лингвистической школы В. Матезиуса [6], чехословацкие лингвисты разрабатывают понятие грамматической перспективы предложения, которая определяется отношением между основными элементами его грамматической структуры. Это отношение может быть грамматически активным или неактивным (пассивным). Для реализации грамматической перспективы предложения служит грамматическая категория залога (*genus verbi*) [7, с. 118].

Глагол располагает морфологическими средствами выражения актива и пассива. В активной конструкции выступает переходный глагол в спрягаемой форме. Пассивная конструкция реализуется с помощью рефлексивной формы глагола (*dům se staví* 'дом строится') или с помощью глагола *být* и страдательного причастия (*dům byl postaven* 'дом был построен'). Все сказанное относится к глаголу как к грамматическому ядру залога.

3. Однако и ОС, как неоднократно отмечалось в работах чехословацких [8—11] и польских [12; 13] лингвистов также способны выражать залоговые значения. При этом речь всегда шла об ОС, мотивированных глаголами с возвратными частицами (чешск. *se, si*; словацк. *sa, si*; польск. *się*), т. е. рефлексивами. Ср. чешск. *zamyšlení se, učení se, vydávání se*, словацк. *prekonávanie si, osvojenie sa, privykanie sa*; польск. *zacieranie się, pogodzenie się, ubieranie się*.

Указанные авторы отмечали, что случаи выражения возвратности ОС с помощью возвратных компонентов в чешском и словацком языках в отличие от польского очень редки. Даже тогда, когда такое выражение возвратности возможно, оно остается факультативным. Более узок и диапазон функций подобных ОС в чешском языке сравнительно с польским. ОС с возвратным компонентом, мотивированные возвратными глаголами со значением пассива, не встречаются (*dům se staví — *stavení se*). Если в отношении чешского и словацкого языков функцию возвратной формы ОС следует считать лишь «частной», «несобственной», то в польском языке, принимая во внимания регулярность образования ОС с компонентом *się* от соответствующих возвратных глаголов, можно говорить об их категориальном значении.

Наличие возвратного компонента при ОС служит, как и у МГ, показателем непереходности, т. е. категории, тесно связанной с залогом, так как с делением глаголов на переходные и непереходные связано выделение возвратных глаголов.

Для выражения взаимно-возвратных значений в чешском языке используются ОС без возвратного компонента, хотя они и мотивированы возвратными глаголами. Однако взаимно-возвратный характер значения ОС очевиден, во-первых, благодаря уже самой семантике действия, заключенного в ОС; во-вторых, взаимно-возвратный залоговый оттенок возвратного компонента при МГ выражается зависимыми членами синтагмы: *jejích hádání* 'их ссора' — притяжательное местоимение 3 л. мн. ч. как указание на наличие по меньшей мере двух субъектов (участников) действия; *setkání s Monikou* 'встреча с Моникой', *sblížení mezi kým* 'сближение между кем' — сохранение глагольного предложного управления со значением совместности; *vzájemné ochlazení* 'взаимное охлаждение' — согласованное определение со значением взаимности и т. п. Таким образом, ОС даже без возвратного компонента способны выражать те же оттенки залоговых значений, что и возвратный МГ.

Итак, ОС (с возвратной частицей или без нее), выражая различными средствами оттенки значений возвратности и взаимности, участвуют в синтаксических конструкциях актива, т. е. передают активную грамматическую перспективу.

4. Пассивная грамматическая перспектива, как и активная, может передаваться не только пассивными глагольными конструкциями, но также и другими синтаксическими и лексическими средствами. «Пассивная перспектива иногда содержится вне предиката в номинализованных компонентах, в свернутом виде» [14]. Конструкции с ОС, служащие для выражения значения пассива, являются частью периферийного «неглагольного» поля залоговости.

Рассмотрим некоторые способы передачи пассивной перспективы с помощью ОС. Во-первых, пассивная перспектива может передаваться именной структурой с родительным пациенса, ядром которой является ОС: *Tato činoherní přehlídka přispěje k zintenzivnění života našich divadel (aby život byl zintenzivněn)* 'Этот показ спектаклей будет способствовать интенсификации жизни наших театров' (тому, чтобы жизнь была интенсифицирована); *Albert Einstein přispěl k rozšíření obsahu pojmu hmoty (aby pojem byl rozšířen)* 'Альберт Эйнштейн способствовал углублению содержания понятия материи' (чтобы понятие было расширено); *Usnesení měla sloužit jako základ pro co největší zpřístupnění kulturních hodnot lidovým vrstvám (aby byly zpřístupněny)* 'Постановления должны были служить основой для того, чтобы сделать культурные ценности как можно более доступными народным массам'. Во-вторых, пассивная перспектива может передаваться различными типами глагольных структур, составной частью которых является ОС и в которых пациент ОС может занимать различные актантные позиции: а) пациент—субъект: *Obě disciplíny našly široké uplatnění v praxi (byly uplatněny)* 'Обе дисциплины нашли широкое применение в практике' (были применены); *Za své kvality by zasluhoval lepšího ocenění (aby byl lépe oceněn)* 'За свои качества он заслуживал более высокой оценки' (должен быть выше оценен); *A když odsouzení dostali od kněze Jana rozhřešení, měli být odvedeni na popráviště (byli rozhřešeni)* 'И когда осужденные получили от епископа Яна отпущение грехов, их должны были отвести на место казни' (были прощены); б) пациент — объект; при этом само ОС может занимать позицию субъекта: *Obratem se mu dostalo ujištění, že až nastane vhodná doba, sejde se rodina zase pospolu (byl ujištěn, že)* 'В ответ он получил заверение в том, что вся его семья соберется снова вместе' (был заверен в том, что...). Кроме того, в конструкциях типа б) ОС может играть роль косвенного объекта: *...neúprosný věřitel předložil k proplacení směnku (aby byly proplaceny)* 'Неумолимый кредитор предъявил векселя к оплате' (чтобы они были оплачены).

Следует отметить, что предикат в таких глагольных структурах информативно недостаточен, основную смысловую нагрузку несет ОС, обеспечивая полноту и информативность сочетания: *nalézt uplatnění, přispět k zintenzivnění, přispět k rozšíření, zasluhovat ocenění, dostat se (komu) ujištění, dostat rozhřešení, sloužit (jako základ) pro zpřístupnění*. Русские эквиваленты и их трансформы (см. соответствующие переводы) свидетельствуют о том, что использование конструкций типа *získat pochopení* 'получить признание', в обоих языках в значительной степени совпадают.

Приведем несколько примеров на функционирование номинализованных конструкций с пассивным значением в польском языке: *zdobycь uznanie -bycь uznany* 'получить признание, быть признанным'; *otrzymacь zapewnienie-bycь zapewniony* 'получить заверение' (букв. 'быть заверенным'); *miecь zastosowanie-bycь zastosowany* 'иметь применение, быть примененным'; *otrzymacь wybaczenie-bycь wybaczony* 'получить прощение, быть прощенным'.

Подобные лексикализованные сочетания, как правило, являются принадлежностью официально-делового, публицистического и научного стилей. В целом же функционирование номинализованных конструкций, где основную семантическую нагрузку несет ОС, результат транспозиции глагол → имя, подтверждает тезис О. Лешки [15] о том, что этот вид транспозиции способствует интеллектуализации речи, является средством более глубокого логического анализа¹.

¹ С этой точкой зрения полемизирует В. Г. Гак, предполагая, что конструкция «глагол + отглагольное существительное» носит универсальный характер. В. Г. Гак

5. Пассивную перспективу могут выражать и такие синтаксические конструкции, где в позиции сказуемого выступает лексический фразеологизм «глагол *být* + предлог + ОС». Ср.: *To dopoledne nebyl nikdo k nalezení (nemohl být nalezen)* 'В это утро никого нельзя было найти' (никто не мог быть найден); *Zásadně nezamykal dvířka ve voze, třebaže bylo ledaco k rokažení (mohlo být rokaženo)* 'Он принципиально не запирает дверцы, даже если в машине можно было что-нибудь сломать' (могло быть сломано); *Stojí na koberci a neví, kam se hnout, je k politování (je ho líto)* 'Он стоит на ковре и не знает, что ему делать, он достоин сожаления (его можно пожалеть)'.

Здесь также выражена пассивная перспектива, но нет пассивной предикации, так как формально это неопределенно-личные предложения с активной залоговой формой сказуемого.

Близка к приведенным выше и конструкция *upadnout do/v zapomnění/zapomenutí/pozapomenutí* 'быть забытым, быть преданным забвению'. Ср. *Móda však upadla v zapomnutí (byla zapomenuta)* 'Мода, однако, была забыта (предана забвению)'.

6. Еще один способ передачи пассивной перспективы заключается в употреблении ОС, мотивированных объектными глаголами со значением физического действия, производимого субъектом, функцию которого обычно выполняет существительное со значением лица или группы лиц. При этом подлежащее со значением лица является объектом действия. Например: *Jed si vzala ze strachu před mučením (že bude mučena)* 'Яд она приняла из страха перед мучениями' (что ее будут мучить); *Člověk, který vydržel týrání a mučení gestapa (byl týrán a mučen gestapem)* 'Человек, который перенес тиранства и мучения в гестапо' (был замучен; его тиранили и мучили).

Морфологическая оформленность ОС как имени существительного делает невозможным категориальное выражение лица по способу личных глагольных форм. Однако невыраженность лица у ОС компенсируется синтаксически. Способы выражения субъекта носят, как правило, эксплицитный характер. Ср.: *Tento trest ho postihl pro velké vraždění Bavorů (Bavoři byli vražděni, on vraždil Bavoře)* 'Это наказание его постигло за великое избиение (убийство) баварцев' (он убивал баварцев). Здесь на субъект действия указывает винительный падеж личного местоимения *ho*, тогда как пациенс выражен родительным объекта при ОС. Ср. еще один пример с конструкцией, в которой субъект действия выраженного ОС, является подлежащим: *Existuje komise pro stíhání nacistických válečných zločinců (aby byli stíháni nacističtí zločinci)* 'Существует комиссия по поимке нацистских военных преступников' (чтобы были пойманы...).

Таким образом, как показал анализ различных типов конструкций с ОС, они способны передавать значение пассива. Отглагольные существительные, будучи по отношению к глаголу категорией периферийной, сохраняют значение действия и интенциональную структуру МГ, благодаря чему они могут участвовать в организации синтаксических конструкций и моделей, способных выразить значение такой глагольной категории, как залог. Не обладая морфологическими средствами для выражения пассива, ОС участвуют в передаче пассивной перспективы с помощью лексических и синтаксических средств, т. е. передают значение грамматической категории залога некатегориальными средствами.

Сопоставление функционирования ОС в чешском и русском языках, а также сравнение с польским на основе эквивалентных переводов и их трансформ говорит о структурной и семантической близости изучаемых явлений (интенция глагольного действия, залог) при определенном расхождении в дистрибуции формальных средств их выражения (ср., например, способы выражения пассива, оформление категории возвратности и др.).

пишет: «Что касается стилового диапозона, то аналитические конструкции широко представлены в разговорной речи различных групп населения» [16, с. 88], и связывает употребление номинализованных конструкций с расширением номинативных средств в языке.

Сопоставительный анализ функционирования отдельных категорий, как указывает А. В. Бондарко, «подчеркивает специфику разных языков в соотношении категориальных и некатегориальных семантических элементов» [17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. М., 1981, с. 154.
2. Ацаркина Т. А. Интенционная структура отглагольных существительных и их синтаксическое функционирование в чешском языке. — Вестник Московского университета. Филология, 1985, № 2, с. 33—41.
3. Paulíny E. Štruktúra slovenského slovesa. — In: *Stúdiá lexikálno-syntaktická*. Bratislava, 1943.
4. Бондарко А. В. Теория значения и трактовки категории залога. — В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978, с. 45—46.
5. Havránek V. Genera verbi v slovanských jazycích. Praha, 1928.
6. Mathesius V. Vyjadřování pasivní perspektivy v české větě. — In: *Čeština a obecný jazykozpyt*. Praha, 1947.
7. Качала Я. О грамматической и семантической перспективе предложения. — В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978, с. 118.
8. Baláž G. Abstraktné deverbátiva v ruštine, slovenčine a češtine. — *Sovětska jazykověda*, 1954, № 4, s. 21.
9. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Т. II. Братислава, 1960.
10. Křížková H. K problematice podstatných jmen slovesných v ruštině v porovnání s češtinou. — *Ruský jazyk*, 1959, № 5, s. 201.
11. Elínek M. Podstatná jména slovesná s zvrátným zájmenem. — *Naše řeč*, 1963, № 5, s. 229.
12. Tokarski J. Czasowniki polskie. Warszawa, 1951.
13. Safarewiczowa H. Rzeczowniki «zwrotne» w języku polskim. — *Język polski*, 1954, № 5, s. 332—348.
14. Зимек Р. Понимание пассивной перспективы предложения в чешской лингвистике. — В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978, с. 87.
15. Leška O. K otázce tzv. transpozice. — In: *Rusko-české studie*. Praha, 1960, s. 43—46.
16. Гак В. Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта. — В кн.: Синтаксис и стилистика. М., 1976, с. 82—92.
17. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978, с. 149.